

Знакомый голос, пронизанный тревогой, ворвался в тишину пещеры, как ветер сквозь расщелину в горе. Пламя Трёх Путей дрогнуло, будто испугавшись, что его тайна раскрыта. Цзян Синчжи почувствовал, как напряжённые мышцы на миг ослабли, лишь для того, чтобы тут же снова сжаться, словно раненая птица, учуявшая шаги охотника.

Он не мог сказать, хорошо это или плохо.

Хорошо — потому что это был не агент Башни Цзицзюэ, не шпион, не враг. Плохо — потому что это был тот единственный человек, перед которым он не знал, как себя вести.

Лезвие из истинной сути, ещё не рассеявшееся в воздухе, повисло между ними, как немой вопрос. Но прежде чем он успел отреагировать, чья-то рука крепко обхватила его за плечи и приподняла. Человек будто не замечал ни оружия, ни напряжения, притянул его ближе, так, что подбородок Цзян Синчжи оказался прижатым к тёплой груди.

Сквозь полуприкрытые веки он увидел широкие плечи, знакомого до боли силуэта. Грудь, на которой покоилась его голова, поднималась и опускалась под тяжестью дыхания.

— Бай Му... — вырвалось у него, почти шёпотом, имя, давно забытое во сне.

— Это я, — ответил тот, и в этом простом «я» звучала глубина, которую нельзя было выразить словами.

И тут же, поток жаркой духовной энергии, словно солнце, разорвавшее зимние тучи, обрушился на него. Одной рукой Бай Му крепко держал его за талию, другой — откинул ворот одежды, отбросил прилипшие к вискам чёрные пряди. Тёплая, уверенная и спасительная ладонь легла на затылок.

Через точку прикосновения к коже, в его тело хлынула, мягкая, но настойчивая, как река, пробивающая себе путь сквозь лёд, целительная энергия.

Столкновение холода и жара вызвало судорогу. Он вздрогнул всем телом.

— Расслабься. — Услышал он мягкий голос — Не сопротивляйся.

Мгновение он колебался. Его разум искал лазейку, способ защититься, сохранить хотя бы видимость контроля. Но тело уже предало его, оно знало этого человека лучше, чем он сам себя.

И он сдался.

Духовная энергия Бай Му проникла внутрь, и с её потоком вырвался тихий стон:

— Мм...

«Пусть будет так, — подумал он, теряя последнюю нить сознания. — Раз уж я доверился ему однажды... пусть это будет мой последний риск».

Чжун Мин держал в объятиях ледяное, почти безжизненное тело, брови его были сведены в одну чёрную дугу, глаза — сосредоточены, как у хищника, охраняющего свою добычу.

Тот, о ком он думал каждую ночь, кого видел в каждом сне, теперь лежал у него на руках. Шея, белая, как фарфор, была полностью открыта, волосы растрёпаны, лицо бледное, как лунный свет. Никакой защиты. Ни масок. Ни слов. Только уязвимость, голая и настоящая.

И всё же, в этот миг в его сердце не было ни желания, ни соблазна.

Только страх.

Боясь потерять равновесие, он слегка согнул ноги, чтобы надёжнее удержат Цзян Синчжи, и прижал его голову к своей щеке, будто убаюкивая. Затем, медленно подняв руку, он направил своё сознание к пляшущему в воздухе пламени Трёх Путей.

— Это было их общим прошлым. Что-то, что они нашли вместе, когда ещё не знали, кто они друг другу.

Он осторожно притянул огонь к себе, втянул его в собственное тело, очистил через свои меридианы, пропустил сквозь собственную душу и лишь затем направил в циркуляцию Цзян Синчжи.

Пламя Трёх Путей принадлежало Цзян Синчжи. Оно признаёт только своего мастера. Любое насильственное вторжение вызывало жестокое сопротивление.

Чжун Мин стиснул зубы. Жжение в теле нарастало, как если бы его внутренности плавилась в котле. Из горла вырвался приглушённый стон:

— Хмм...

Но он терпел. Потому что это был единственный безопасный способ не допустить, чтобы два противоборствующих начала внутри Цзян Синчжи вступили в хаотичную схватку, разрушив его изнутри.

К счастью, пламя помнило его. Его душа была знакома ему... хоть и чужая, но не враждебная. Оттого реакция была слабее, чем могла бы быть. Постепенно ритм стал устойчивым, как дыхание спящего ребёнка.

Прошло время, но сколько, никто не знал.

Холод, проникший в кости, медленно отступал. Капли пота падали на каменный пол, оставляя тёмные пятна, будто слёзы земли.

И наконец, пламя Трёх Путей, выполнив своё предназначение, покинуло тела обоих и вернулось в даньтянь Цзян Синчжи, где снова стало частью его.

Чжун Мин глубоко выдохнул. Долгий, тяжёлый выдох, полный усталости и облегчения сорвался с пего губ. Он посмотрел вниз, на человека, прижатого к его груди, и крепче сжал объятия.

Опасность миновала, но сердце его не успокаивалось.

«Повреждение души...» — понял он.

Вот почему тот так чувствителен к холоду. Вот почему даже Лунная Жемчужина, созданная мастером Фань Ли, едва не сломила его.

Он восстановил всё — каждый орган, каждую клетку, каждый меридиан после испытания. Всё должно было быть как прежде.

Тогда почему душа осталась раненой?

Неужели... неужели что-то не так с тем Шансом, что хранится в его сердечном меридиане?

Руки Чжун Мина сами собой сжались сильнее, будто пытаясь уберечь не тело, а самую суть существа в его объятиях.

Если бы он знал, что этот шанс причинит боль... он никогда бы не передал его. Ни за что. Ни при каких обстоятельствах.

Человек в его руках слегка пошевелился.

Чжун Мин поднял взгляд. Влажные пряди волос прилипли к бледным щекам, лоб горел, но кожа всё ещё была холодной.

Он протянул руку, аккуратно отвёл мокрые пряди со лба, легко косаясь кожи кончиками пальцев.

— Цзян Синчжи, — позвал он тихо, почти шепотом, как будто боялся разбудить его.

Прохладный ветер коснулся лба.

Цзян Синчжи открыл глаза.

И сразу увидел, такое близкое, что казалось, можно почувствовать дыхание, лицо.

Объективно говоря, это было лицо, способное свести с ума любого. Высокие скулы, чёткий профиль, глаза тёмные, как глубины горного озера, в которых теряется свет. Но сейчас его разум был затуманен. Он смотрел несколько секунд, не понимая, где он, кто рядом, и что происходит.

А потом вдруг... осознал.

Всё его тело, покоилось в крепких объятиях. Талия — в кольце сильной руки. Их ноги соприкасались, бёдра были плотно прижаты. Его мокрые волосы запутались у шеи Бай Му, один локон упал в открытый ворот его одежды.

Поза... атмосфера... тепло, исходящее от этого тела...

Сердце Цзян Синчжи пропустило удар.

И впервые за много лет ... он не знал, что сказать.

Он поспешно поправил одежду и отстранился от объятий Чжун Мина, голос его звучал ровно, но в нём чувствовалась лёгкая , от внезапного осознания близости.

— Брат Бай, благодарю.

Руки Чжун Мина остались пусты. Он постоял мгновение, будто прислушиваясь к тишине, оставшейся после ухода тепла, затем тоже медленно поднялся.

— Как себя чувствуешь?

Цзян Синчжи проверил своё тело: циркуляция истинной сути восстановлена, боль ушла, лишь слабость осталась, как эхо шторма.

— Как если бы возродился из пепла, — ответил он с лёгкой улыбкой, словно вспомнил что-то старое, почти забытое.

Чжун Мин бросил взгляд на его потные, прилипшие к телу одежды, и уголки его губ чуть дрогнули.

— Феникса мне видеть не доводилось, — произнёс он сухо, — но вот утопленную крысу, пожалуйста.

Цзян Синчжи замер. На миг показалось, что воздух между ними застыл, как вода перед тем, как превратиться в лёд. Но, вспомнив, что этот человек только что спас ему жизнь, он великодушно решил, что не услышал ничего.

— Сегодня я тебе обязан, — сказал он, уже громче, будто пытаюсь перекрыть собственное смущение. — Если тебе когда-нибудь понадобится помощь, то только скажи!

Чжун Мин опустил глаза. Впервые за долгое время на его лице появилась настоящая, тёплая улыбка — не насмешливая, не сдержанная, а такая, что казалось, будто солнце пробилось сквозь облака над горой Панши.

— Мне нужна помощь.

— В чем именно?

— Расскажу позже, — ответил он, уже поворачиваясь к выходу из пещеры. Его шаги были уверенными, как будто он знал, куда идёт, даже если сам путь ещё не был проложен.

Цзян Синчжи последовал за ним, но вдруг остановился.

— Ты... можешь управлять моим пламенем Трёх Путей? — Озадаченно спросил он напряженным, от осознания, голосом.

Мысль была абсурдной. Это пламя было частью его души, выкованной в глубинах загадочного мира, закалённой в бою с самим Сюй Цзянем. Оно не подчинялось никому, кроме него. А Чжун Мин направил его, как будто это было не чужое оружие, а продолжение его собственной руки.

Чжун Мин не обернулся. Лишь слегка приподнял плечо.

— Природный талант.

Цзян Синчжи хотел было возразить, но в этот момент Чжун Мин нахмурился, и тон его стал серьёзным:

— Кстати... как повредилась твоя душа?

Вопрос, как клинок, разрезал все шутки и маски. Цзян Синчжи почувствовал, как внимание его мгновенно сосредоточилось. Раз уж состояние было полностью обследовано во время

лечения, скрывать больше не имело смысла.

— При прошлом прорыве что-то пошло не так, — сказал он, глядя в сторону. — Вероятно, удар молнии.

Чжун Мин сжал губы.

— Ты уверен, что это была небесная молния?

— А что ещё? — отозвался Цзян Синчжи рефлекторно. И в ту же секунду замер.

Долгое время он считал, что повреждение души — это всего лишь побочный эффект Девятинебесного Громового Испытания. Но теперь, в свете вопроса, эта мысль показалась ему слишком простой. Слишком удобной. Что, если причиной был тот самый шанс? Тот странный, почти живой фрагмент судьбы, что зародился в пустоте одного из древнейших миров, в тайном мире Конкюань, открывающемся раз в тысячу лет. Раз в тысячу лет. ...Подожди. Сейчас как раз прошло тысячу лет с момента последнего открытия. Неужели... неужели это означает, что мир Конкюань снова готов раскрыться?

Цзян Синчжи поднял голову.

— Ты слышал, чтобы кто-то упоминал тайный мир Конкюань?

Сердце Чжун Мина упало. Значит, всё-таки связано с тем шансом.

— Никогда, — коротко ответил он.

Цзян Синчжи задумался.

— Если ты не слышал... значит, пока ничего. Завтра мы отправляемся в Павильон Циньфэну, у них есть дело к нам. Может быть, там узнаем что-нибудь.

Открытие мира Конкюань требовало невероятных усилий. Когда-то для этого потребовалось единство всех Девяти Сект. Энергетические массивы, редкие духовные камни, жертвоприношения высших мастеров — всё это должно было слиться в один момент. Если сейчас действительно появились признаки его повторного открытия, невозможно, чтобы великие семьи и секты хранили молчание. Их молчание само по себе было сигналом.

После исцеления, обессиленный и покрытый потом, Цзян Синчжи вернулся в свою комнату, чтобы переодеться. Когда он снял внутреннюю одежду, лунный свет, проникающий сквозь решётчатое окно, лег на его бледную, гладкую, как поверхность озера в полночь, спину. Тени от деревянных перекладин ложились на кожу, словно следы пальцев бога, рисующего судьбу.

Тхуд.

На коврик у дивана с глухим стуком упала шкатулка. Цзян Синчжи нагнулся. Это была та самая шкатулка, с Лунными Жемчужинами. Явный триггер сегодняшнего происшествия. Он вдруг вспомнил, что в суматохе забыл передать её Бай Му. Новые одежды, только что надетые, мягко развевались, закрывая тело. Он взял шкатулку и направился к соседнему дворику, но вдруг замер на тропинке.

Что-то было не так. Лунный свет лился вперёд, освещая путь, ведущий к главному входу секты. И тогда он увидел, что дорога, что раньше была неровной, и усеянной камнями и корнями, теперь была словно выровнена невидимым мечом. Его божественное сознание мгновенно расширилось, охватив всю гору Панши от её подножия до самой вершины. И тогда он понял, что от окраин до самого пика ... всё изменилось.

Старая, грубо вымощенная тропа, по которой когда-то с трудом поднимались ученики, теперь превратилась в аккуратную лестницу из одинаковых каменных ступеней, вырезанных с математической точностью. Ни лишнего камня, ни трещины. Только порядок, строгость, мощь. Секта Гуйсюэ, некогда затерянная в туманах и забвении, наконец начинала принимать форму.

<http://bllate.org/book/15487/1373255>